

**УНИВЕРСИТЕТСКИЙ КУРС ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ И
СОВРЕМЕННОСТЬ: К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ОБЩЕЙ
И СРАВНИТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУР**

**THE UNIVERSITY COURSE ON HISTORY OF LITERATURE
AND MODERN TIME: TO THE PROBLEM OF THE
INTERRELATION BETWEEN GENERAL AND COMPARATIVE
HISTORY OF LITERATURE**

Н. Т. Пахсарьян

N. T. Pakhsarian

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Москва, Россия

Lomonosow Moscow State University

Moscow, Russia

e-mail: natapa@mail.ru

В статье рассматриваются современные концепции общей истории литературы и литературной компаративистики, выявляются точки соприкосновения между этими дисциплинами и их различие, анализируются актуальные методологии литературоведения и их применение в университетских историко-литературных курсах.

Then article concerns the modern concepts of general and comparative history of literature, the common points in these disciplines are revealed. It deals with the top methods of literary science as well as their application in courses on the history of literature.

Ключевые слова: история; мировая литература; компаративистика; методология литературоведения.

Keywords: history; world literature; comparative studies; methodology of literary science.

Вопрос о проблемах преподавания курсов истории литературы, в частности и особенно – зарубежной, актуален не только в свете тех, условно говоря, реформаторских мер в области образования, которые предпринимаются сегодня в России, но и в аспекте того общего кризиса гуманитарных наук, о котором говорят ученые разных стран. Например, профессор Университета Париж-12 Д. Мэнгено, касаясь состояния изучения литературы в университете, утверждает, что оно отражает «двусмысленность, свидетельством которой является развитие с конца XIX в. «истории литературы», locus incertus, не являющейся ни настоящей герменевтикой, ни действием, подчиненным нормам гуманитарных и социальных наук» [1]. Впрочем, говорят об этом исследователи давно, по крайней мере, с 1960-х гг. К нам эти дискуссии пришли с некоторым

опозданием. Так, статья Х. Р. Яусса «История литературы как провокация литературоведения» (1967) была опубликована на русском языке только в 1995 г. [2] и лишь тогда стала предметом активного обсуждения. Инициатором споров выступил журнал «Вопросы литературы» [3], затем к ним подключилось и «Новое литературное обозрение» [4; 5].

В последние годы на Западе обсуждение не прекратилось, но перешло в другую стадию: как пишет Д. Мэнгено, «в 1960-е гг. споры развивались по логике авангарда – легитимна ли та или иная литературная техника (свидетельством чему были споры о “Новом романе”), тот или иной критический подход (о чем свидетельствовали дискуссии о “Новой критике”)». Сегодня проблема состоит не в качестве литературной продукции или ее изучения, а в том, существует ли литература и есть ли интерес в ее исследовании» [1]. Выразительны уже заголовки книг и статей, посвященных этим вопросам: «Прощай, литература» [6]; «Чему еще служит филология?» [7]; «Для чего и как изучать литературу?» [1]; «Зачем литература в университете?» [8] и т. п. Снова и снова преподаватели на Западе констатируют, что «история литературы, читаемая на манер Лансона, стала объектом поношения» [9]. К ним присоединяются и отечественные ученые.

Впрочем, споры о нужности/ненужности подобного курса достаточно подробно освещались у нас на страницах журналов «Вопросы литературы» и «Новое литературное обозрение», так что в данной статье речь пойдет не об описании всех перипетий этих дискуссий, а, скорее, об их практических и, отчасти, общетеоретических, методологических результатах.

Одним из важнейших следствий восприятия общего историко-литературными курсами как образовательной архаики является утверждение их ненужности в современном учебном процессе, направленном не на накопление суммы знаний, запоминание фактов, а на формирование умения эти факты находить, сопоставлять и т. п. Суммируя устоявшиеся расхожие мнения, можно изложить их следующим образом: общая история литературы (как и общая история вообще) – это сумма информации, описание фактов, своего рода устный справочник, использовавшийся в условиях отсутствия или труднодоступности такового. Коль скоро нынешняя высшая школа располагает широким спектром подобной справочной литературы (в том числе – электронными источниками), а наша задача – научить студента пользоваться этими источниками, потребность в таком курсе отпала. Сразу скажу, что это напоминает мне мнение госпожи Простаковой: «Зачем учить географию, если есть извозчики?» Интернет и выступает таким универсальным извозчиком, а процесс обучения чему бы то ни было – и литературе в том числе – сво-

дится к формированию навыков пользователя интернета. Однако, как известно, не бывает умений и навыков без предварительно полученного знания, без запоминания и понимания той или иной информации. «Образованность, – справедливо писал О. Мандельштам, – это школа быстрее ассоциаций», но быстрота и широта этих ассоциаций не может возникнуть на пустом месте. Информативно-описательная часть историко-литературных курсов кажется необходимой уже потому, что она оказывается фундаментом, основой возникающих в процессе анализа фактов, ассоциаций, гипотез и концепций. Однако общая история литературы, это далеко не только собрание – или даже система – фактов, имен, событий.

Давая определение «истории всеобщей литературы» в Энциклопедии Брокгауза и Эфрона, Ф. Батюшков писал: «История всеобщей литературы как наука – понятие не установившееся, довольно трудно поэтому точно определить ее объем и сущность... Прежде всего “всеобщая литература” может быть понята как изучение тех произведений словесного творчества, которые имеют мировое значение, служа показателями эволюции духовной жизни человечества. В этом смысле она есть отрасль всеобщей истории культурных народов, между которыми предполагается духовная связь и преемство. С другой стороны, ограничив понятие “мирового значения”, можно расширить количественно объем предмета, включив в него все многообразные проявления человеческого духа в памятниках словесного творчества, и дать таким образом общую картину форм и видов словесности от низших степеней до высших. Такая задача сводится к тому, что может быть названо “исторической поэтикой”, т. е. изучением родов и видов литературы в их зарождении, развитии и последовательной смене или сосуществовании. Далее, история всеобщей литературы может быть также сведена к историко-сравнительному изучению памятников литературы для уяснения или их относительной ценности, или обусловленности одного от другого, или параллелизма» [10]. Нетрудно заметить, что о таком же понимании задач истории литературы как науки говорил А.Н. Веселовский во вступительной лекции в Санкт-Петербургском университете в 1870 г.: «История литературы в широком смысле этого слова – это история общественной мысли, насколько она выразилась в движении философском, религиозном и поэтическом и закреплена словом. Если, как мне кажется, в истории литературы следует обратить особенное внимание на поэзию, то сравнительный метод откроет ей в этой более тесной сфере совершенно новую задачу – проследить, каким образом новое содержание жизни, этот элемент свободы, приливающий с каждым новым поколением, проникает старые образы, эти формы необходимости, в которые

неизбежно отливало всякое предыдущее развитие [11, с. 52]. В концепции А.Н. Веселовского, таким образом, сравнительный анализ литературных явлений выступал как метод, позволяющий выявить собственно поэтологические аспекты историко-культурного развития литературы.

Подобное связывание общей и сравнительной историй литературы как предмета и метода первоначально было характерно и для западного литературоведения. Так, в 1830 г., когда в Сорбонне была создана первая кафедра «истории зарубежных литератур», где работал Шарль-Клод Форьель (1772–1844) – французский историк, лингвист, литературный критик, историк литературы (кафедра была создана именно для него), то в преподавании литературной истории он использовал сравнительно-исторический метод. Форьель одним из первых познакомил французов с «Песнями Оссиана» и романтической трактовкой драматургии Шекспира, одним из первых обратил внимание французских читателей на достоинства немецкой литературы. Преподавание Форьеля началось с курса лекций о греческой и сербской поэзии, прочитанного в 1831–1832 гг., где было уделено внимание и средневековому русскому эпосу, «Слову о полку Игореве». Кстати, А.Н. Веселовский говорил в своей лекции о целесообразности ориентации на французский университет – в области преподавания истории литературы.

В то же время по мере развития дисциплины – и сравнительного литературоведения в частности – различие между общей историей литературы и компаративистикой серьезно углубилось. Так, в 1972 г. профессор Иллинойского университета Франсуа Жост писал в статье «Сравнительная и общая история литературы», что различие между этими направлениями изучения литературы лежит в области организации фактов [12]. Попутно он замечал, что иногда эти понятия выступают синонимами (как в практике Института мировой литературы в Москве, который, с его точки зрения, занимается именно сравнительной, а не общей историей). Правда, он явно предпочитал сравнительную историю общей, как статику динамике [12, р. 20]. Очевидно, что нынешнее развитие и общего литературоведения, и компаративистики внесло в их концепцию значительные коррективы. Попытаюсь остановиться на важнейших современных работах по этим проблемам, чтобы показать, как сегодня ученые понимают задачи общей и сравнительной историй литературы и каким им видится содержание университетских курсов по этим дисциплинам.

В книге Алена Вайана «История литературы» (2010) справедливо замечено, что до сих пор не существует обобщающего, синтетического научного исследования, которое бы «излагало принципы и методы ис-

тории литературы» [13, р. 9]. Однако в той или иной степени литературоведы сегодня по-новому определяют и содержание самого понятия литература (тот же А. Вайан, ссылаясь на мнение А. Вьяла, дает следующее определение: литература – это «акт коммуникации, предназначение которого – открыто и случайно, восприятие – разнообразно, а польза – опосредована» [13, р. 118]) и принципы историко-литературной периодизации, и концепцию «мировой литературы», являющейся материалом общей литературной истории, наконец, саму внутреннюю структуру, которая может строиться и как история стилей и направлений, и как история жанров, и как история шедевров, и как история становления массовой литературы, и т.п., но во всех своих вариантах стремится сопрягать историческое и эстетическое измерения, выявлять системную общность в развитии национальных литератур. А. Вайан, в частности, предлагает выстроить систему на анализе перехода от «литературы-дискурса» к «литературе-тексту», который происходит на рубеже XIX–XX вв. [12, р. 17], на более пристальном изучении коммуникативной функции литературы; это, по его мнению, позволяет сделать системное рассмотрение историко-литературных фактов универсальным, соответствующим эпохе глобализации.

Процессы глобализации способствовали и тому, что на рубеже XX–XXI столетий развернулись горячие споры вокруг концепции и состава «мировой литературы». В новаторском уже по своей форме исследовании Ж. Давида «Призраки Гёте. Метаморфозы *мировой литературы*» [14], построенного как своего рода филологический диалог, не просто излагаются различные концепции гётевского понятия *Weltliteratur*: автор выявляет проблемные точки этих концепций, размышляет о них в процессе воображаемой дискуссии, позволяющей осознать необходимость переосмыслить категорию «мировой литературы», понять факторы, которые делают ее вновь актуальной, а не механически приложить гётевское понятие к новым фактам культуры.

Рассматривая различные формы современного возвращения к Гёте, то есть реактуализации его концепции «мировой литературы», Ж. Давид неслучайно уточняет, как трактовал это понятие сам Гёте, подчеркивая, что здесь есть много аспектов: Гёте-классик рассматривает всемирную литературу как совокупность бессмертных произведений, как некий всеобщий канон; Гёте-социолог видит в мировой литературе соотношение различных национальных культур, находящихся на разном уровне у разных народов; Гёте-стратег видит в понятии «мировая литература» источник интернационализации литературы и т. п. Вот почему французский ученый полагает, что изучать пространство или систему мировой литературы возможно именно при осознании тех нюансов, которые бы-

ли заложены в это понятие немецким гением [14, р. 264]. Учитывая эти смысловые нюансы, заложенные Гёте, современные литературоведы не могут трактовать историю мировой литературы как механическую сумму текстов, накопившихся во времени и пространстве [8; 15].

Таким образом, на фоне разнородных оценок состояния курса общей истории литературы как научной дисциплины при частой констатации его кризисного состояния этот курс, безусловно, обновляется и сохраняет свое значение как форма системного изучения мирового литературного процесса.

Может показаться, что мировая литература вполне успешно может быть и объектом изучения компаративистики, то есть одну дисциплину можно заменить другой. Однако А. Томиш прав, говоря, что «нельзя сводить специфику сравнительного литературоведения к предмету изучения» [16], а Ф. Тудуар-Сюрлапьер [17] указывает, что, хотя сравнение – обязательный компонент компаративистики, одного сравнения недостаточно, чтобы родилась особая научная дисциплина. И сама методика сравнения в компаративистике имеет свою специфику.

Как пишет Ж.-Л. Акетт, компаративистика всегда имеет в виду конкретные тексты, учитывает пространственные и временные параметры литературных явлений. Компаративистика «конструирует свой объект эмпирически, что не означает произвольно, но предполагает перекрестное чтение отдельных произведений. Они воспринимаются не как конкретизация общих принципов, а как составные элементы сложных систем, именующихся жанрами, направлениями, мифами, темами, эпохами и т. д.» [18, р. 11]. Как верно подчеркивает Ф. Лавока, сравнительное литературоведение – это, по преимуществу, интерпретативная дисциплина, в которой объект исследования конструируется тем, кто проводит сравнение. Так, если у студента, изучающего творчество Лафонтена в рамках общей истории литературы, нет необходимости искать объект анализа (он ему уже дан), то сравнение в контексте литературной компаративистики требует неизбежно субъективного выбора параллелей, их умножения и усложнения [15].

Общую и сравнительную истории литературы сближают, пожалуй, постоянные сегоования на кризис. В области компаративистики они привели ученых к двум противоположным выводам – о смерти сравнительно-исторического литературоведения [19] – и о его возрождении [20]. Процесс глобализации после Второй мировой войны, стандартизация, нивелировка, поглощение массовой культурой других видов культуры усилил значение компаративных исследований: «Когда культуры унифицируются, – подчеркивает Ф. Тудуар-Сюрлапьер, – анализ различий,

сколь бы тонкими, минимальными, даже микроскопическими они ни были, становится лишь еще более нужным и необходимым» [16, р. 55].

Очевидно, что интерес литературоведов-компаративистов во второй половине XX в. сместился с изучения «влияния» творчества одного писателя на другого, одной литературы – на другую, к исследованию типологических схождений и специфики имагологии, гендерных аспектов, культурного трансфера и т. п. Исходной проблемой сравнительного литературоведения, по верному замечанию И. Шевреля, является проблема границы и связанная с ней проблема иноземного, чужого в национальной литературе [21, р. 12], особенно усложнившаяся в современных условиях мультикультурализма и открытых границ между многими странами. При этом, «постоянно пересекая границы, сравнительное литературоведение, по существу, может свободно двигаться, куда захочет, противореча предварительному условию всякой теории – ограничению» [13, р. 22]. Отсюда – выход компаративистики в область сопоставления разных видов искусств, разных типов знания. Но при этом целью сравнительного исследования остается не столько обобщение, сколько индивидуализация. Сравнительная история литературы не заменяет, а дополняет и расширяет общий историко-литературный курс. Оба эти вида литературоведческих дисциплин равно необходимы современному филологу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Maingueneau D. A quoi servent les études littéraires? // La vie des idées. 14 juillet 2010 [Электронный ресурс]. URL : <http://laviedesidees.fr> (дата обращения: 10.08.2021).
2. Яусс Х.Р. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 34–84.
3. Вопросы литературы. 1997. № 2; 1998. № 1, 3.
4. Новое литературное обозрение. 1997. № 22; 2010. № 102.
5. Бак Д.П. Литературоведение как провокация чтения: есть ли автор у истории литературы // Новое литературное обозрение. 2003. № 59. С. 90–91.
6. Marx W. L'adieu à la littérature. Paris : Ed. Du Minuit, 2005.
7. Duval F. A quoi sert encore la philologie ? // Laboratoire italien. 2007. № 7 [Электронный ресурс]. URL: <http://laboratoireitalien.revues.org/128> (дата обращения: 10.08.2021).
8. Fanlo J.-R. Pourquoi la littérature à l'Université ? Discussion, argument, propositions // Théorie, notions, catégories [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fabula.org/colloques/document1486php> (дата обращения: 10.08.2021).
9. Masseau D. L'enseignement de la littérature à l'Université : un champ d'étude incertain et menacé // Fabula-LHT. 2011. № 8 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fabula.org/lht/8/masseau.html> (дата обращения: 10.08.2021).

10. Батюшков Ф.Д. История всеобщей литературы // Энциклопедия Брокгауза и Эвфрона. 1899. Раздел сводной статьи «Россия. Русская наука» [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/b/batjuschkow_f_d/text_1899_istoria_vseobshey_literatury.shtml (дата обращения: 10.08.2021).
11. Веселовский А.Н. О методах и задачах истории литературы как науки // Историческая поэтика. Л.: Художественная литература, 1940. С. 41–52.
12. Jost F. La littérature comparée et littérature universelle // Orbis Litterarum. 1972. N 27. Issue 1. P. 13–27.
13. Vaillant A. L'histoire littéraire. Paris : Armand Colin, 2010.
14. David J. Spectres de Goethe. Les métamorphoses de la «littérature mondiale». Paris: Les Prairies ordinaires, 2011.
15. Lavocat F. Le comparatisme comme herméneutique de la défamiliarisation // VOX-POETICA. 2012 [Электронный ресурс]. URL: www.vox-poetica.org/t/articles/lavocat2012.html (дата обращения: 10.08.2021).
16. Tomiche A. Frontières du comparatisme // Between. Cagliari. 2011. Vol. I. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.between-journal.it/> (дата обращения: 10.08.2021).
17. Toudoire-Surlapierre F. Notre besoin de comparaison. Paris: Orizons, 2013.
18. Haquette J.-L. Lectures européennes : Introduction à la pratique de la littérature comparée. Rosny-sous-bois : Bréal, 2005.
19. Spivak G. Ch. Death of a Discipline. N. Y.: Columbia University Press, 2003.
20. Damrosh D. What is World Literature ? Princeton University Press, 2003.
21. Chevrel I. La littérature comparée. Paris: Presses univ. de France, 2006.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В КНР

THE MAIN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF TEACHER TRAINING IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Л.В. Пироженко

L.V. Pirozhenko

Университет Хучжоу,
Хучжоу, КНР
Huzhou University,
Huzhou, China

e-mail: Lidiiap@ukr.net

В статье анализируются направления, цели и задачи развития системы подготовки учителей в Китае; раскрываются факторы, приведшие к появлению новых, вариативных форм подготовки и переподготовки учителей, содержание и структура подготовки. Сформулированы тенденции развития системы подготовки педагогических кадров: стандартизация и унификация педагогического образования (введение единого